

References

1. Kosheleva O. N., Kirillova T. S., Odishelashvili I. R. Nekotorye svedeniya iz istorii razvitiya russkoj medicinskoj terminologii, Astrahanskij medicinskij zhurnal. Astrakhan, ASMA, 2010, pp. 36-39.
2. Leonovich O.A. Ocherki anglijskoj onomastiki : Posobie dlya prepodavatelej. M. : Firma "Interpraks", 1994. 120,[2] p. ISBN 5-85235-161-X.
3. Murzaev E. M. Geografiya v nazvaniyah. 2nd ed. M.: Nauka,1982. 176 p. (Seriya «Planta, Zemlya i Vselennaya»).
4. Toporov V. N. Iz oblasti teoreticheskoy toponomastiki // Voprosy yazykoznanija, 1962, № 6, pp. 3–13.
5. Gasque, Thomas J. (2005). A number system for the classification of U. S. place-names. unpublished paper presented at ICOS 22, Pisa.
6. Mencken H. L. (1967 [1921]). The American Language: An Inquiry into the Development of English in the United States. Abridged Edition. New York: Alfred A. Knopf.
7. Rennick R. 'How to study placenames.' Names: A Journal of Onomastics, 2005, № 53, pp. 291–308.
8. Stewart George R. (1954). 'A classification of place names.' Names: A Journal of Onomastics, 2 (1): 1-13. (1956). 'Place name patterns.' Names: A Journal of Onomastics, 4 (2): 119-121. (1975). Names on the Globe. New York: Oxford University Press.
9. Zelinsky Wilbur (2002). 'Slouching toward a theory of names: A tentative taxonomic fix.' Names: A Journal of Onomastics, 50 (4): 243-262.

Статья поступила в редакцию 09.10.2021; одобрена после рецензирования 21.10.2021; принята к публикации 30.10.2021.

The article was submitted 09.10.2021; approved after reviewing 21.10.2021; accepted for publication 30.10.2021.

Научная статья

УДК 003.86+811.133.1

doi: 10.21672/1818-4936-2021-80-4-104-110

МНОГОТОЧИЕ И ЕГО ФУНКЦИИ В ПЕРЕВОДЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

М.И. Свешникова¹, Е.И. Сернова²

^{1,2}Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

¹msveshnikva@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5630-9267>

²eis67@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме передачи такого пунктуационного знака как многоточие в переводе поэтического текста с французского языка на русский. Анализируются примеры переводов французских поэтических текстов от классики до современных произведений. Роль многоточия показана в процессе изменения правил организации стихотворной речи.

Ключевые слова: перевод поэтического текста, адекватность перевода, пунктуация, многоточие

SUSPENSION POINTS AND ITS FUNCTIONS IN THE TRANSLATION OF A POETIC TEXT

M.I. Sveshnikova¹, E.I. Sernova²

^{1,2}Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

¹msveshnikva@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5630-9267>

²eis67@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the transfer of such punctuation mark as suspension points in the translation of a poetic text from French into Russian. Examples of translations of French poetic texts from classics to modern works are analyzed. The role of the suspension points is shown in the process of changing the rules of the organization of poetic speech.

Keywords: translation of a poetic text, adequacy of translation, punctuation, suspension points

Вопрос о переводе поэтического текста всегда вызывает бурные дискуссии: как переводить – переводить дословно, эквивалентно, адекватно, образно, коммуникативно, по смыслу... Помимо лексических и грамматических трансформаций проблему может представлять и система пунктуационных знаков, которую использует поэт. Однако вопрос об адекватной передаче пунктуации в переводе поэтического текста до сих пор не решен окончательно.

Лингвисты Н. Каташ [8], И. Фоначи [10, с. 56.], М. Готье и др. считают, что в процессе создания текста пунктуация играет значительную роль, являясь одним из участников этого процесса и, что пунктуации присущи следующие функции:

– *интонационная функция*, при которой пунктуация обеспечивает ритмическое движение фразы;

– *синтаксическая функция*, при которой знаки пунктуации служат для разделения синтагм во фразе, являясь маркерами, определяющими различную степень подчиненности тех или иных членов предложения;

– *семантическая функция*, при которой задача пунктуации заключается в создании и передаче смысла написанного. Пунктуация актуализирует текст, облекает его в форму, обеспечивает последовательное соединение мыслей, их движение, а также порождение высказывания в целом;

– *коммуникативная функция*, при которой пунктуационная система участвует в акте коммуникации между автором, персонажами его произведений и читателем. В этом случае пунктуация призвана обеспечить акт коммуникации на расстоянии, преодолевая временные промежутки, различные эпохи и в то же время, сохраняя смысл, его оттенки, передаваемые автором, экспрессивный рисунок написанного;

– *функция единичности* присуща пунктуации тогда, когда имеет место отклонение от определенного стандарта употребления знаков. Она направлена на создание определенного стилистического эффекта.

Случаи сознательного отступления авторов от нормативной пунктуации и особое ее использование называют *авторской* (или *поэтической*), где признается право за писателем на индивидуальное употребление знаков пунктуации. Как и обычная, авторская пунктуация отражает синтаксическое членение и интонацию речи, однако дает сверх того возможность выражения более точных смысловых и эмоциональных оттенков, выявления на письме особенностей индивидуального стиля.

Вопрос об адекватной передаче пунктуационных знаков при переводе текста на другой язык поднимается очень редко, практически никогда. Во многих случаях переводчик интерпретирует употребление того или иного пунктуационного знака самостоятельно, включая его в текст перевода или нет. Хотя никто из исследователей не оспаривает значение этих средств выражения авторского замысла. Не секрет, что пунктуационные знаки несут определенную смысловую нагрузку, которая значительно повышается именно в поэтическом тексте. Если стандартные знаки, такие, как точки и запятые, подчиняются определенным правилам (соответствуют, прежде всего, ритму и синтаксису стихотворной речи), то многоточие – это больше авторский знак, в стихах этот знак используется значительно чаще, чем в прозе [4]. Многоточие говорит, что есть что-то невыразимое в словах, что-то тайное, скрытое, невысказанное, недоговоренное (недаром по-французски это «points de suspension»).

Так, Ж. Леблан [11, с. 87] считает, что некоторые знаки пунктуации, в том числе и многоточие, являются маркерами работы высказывания в тексте. Многоточие является настоящим «стимулятором чтения», побуждая у читателя желание действовать. Пунктуационный знак, как элемент высказывания, одновременно повернутый к двум «действующим лицам» (говорящему и слушающему) не противоречит традиционному грамматическому взгляду на пунктуацию. Многоточие [7, с. 70-71] наряду с общей отделительной функцией обладает рядом конкретных, разнообразных значений, которые чаще всего отражают эмоциональную окраску речи. Это знак, передающий недоговоренность, прерванность мысли, часто ее затрудненность, вызванную либо большим эмоциональным напряжением, либо причинами иного плана, например, чтобы передать многозначительность сказанного, указать на подтекст, скрытый смысл. Проблема с многоточием в переводе заключается в том, что автор вкладывает в него свои собственные смыслы, которые переводчик должен правильно разгадать, не прибавляя и не убавляя значимости выбранного авторского знака.

В классической французской поэзии мы редко встречаем многоточие, включенное в стихотворную строку. Там, где речь уравновешенна и стабильна, что обеспечивается тождеством метров и фиксированным положением цезур (в произведениях с объемными строками, например, в александрийском стихе или в декасиллабе), где

даже нечитаемые буквы в рифмующихся окончаниях строк должны полностью совпадать, нет места случайным или дополнительным паузам. Недосказанность, сомнения передаются через стилистические средства, выраженные словесно (метафоры, сравнения, аллюзии и пр.).

Однако в классических поэтических произведениях встречается очень интересный прием, когда строка полностью заполняется многоточием. Это иногда используется в конечной строке стихотворения, чтобы позволить читателю самому представить дальнейшее развитие/завершение повествования, что не противоречит *теории высказывания*: «функционирование языка путем индивидуального использования» [8, с. 70], как например, в стихотворении Э. Парни «Леда» [5, с. 142]:

Bientôt ses baisers moins timides
Sont échauffés par le désir;
Et précédé d'un long soupir,
Le gémissément du plaisir
Echappe à ses lèvres humides.
.....

В переводе Е. Баратынского [5, с. 143] эта «пустая» строка опущена. Действие закончено, никакой недосказанности нет. Скорее всего, это связано с однозначностью используемой лексики.

Он завладел –
Затрепетал крылами он, –
И вырывается у Леды
И девства крик и неги стон.

Реже подобный прием встречается в начале стихотворения (первая строка) или включен внутрь отдельной строки, как, например, у А. Шенье [5, с. 150]. В данном случае многоточие выполняет отделяющую функцию.

Près des bords où Venise est reine de la mer,
Le gondolier nocturne, au retour de Vesper,
D'un aviron léger bat la vague aplanie,
Chantant Renaud, Tanchère et la belle Erminie.
Il aime les chansons, il chante. Sans désir,
Sans gloire, sans projets, sans craindre l'avenir,
Il chante, et cheminant sur le liquide abîme,
Sait égayer ainsi sa route maritime.
..... comme lui je me plais à chanter.
Les rustiques chansons que j'aime à répéter
Adoucissent pour moi la route de la vie,
Route amère et souvent de naufrages suivie.
.....

А. Пушкин в переводе [5, с. 151] этого стихотворения заполнил внутреннее многоточие лексическими средствами и опустил последнюю строку с многоточием, переставив строки, что привело к логическому завершению высказывания и не позволило выразить некую незаконченную мысль, как в оригинале:

Близ мест, где царствует Венеция златая,
Один, ночной гребец, гондолой управляя,
При свете Веспера по взморию плывет,
Ринальда, Годфреда, Эрминию поет.
Он любит песнь свою, поет он для забавы,
Без дальних умыслов; не ведает ни славы,
Ни страха, ни надежд, и, тихой музы полн,
Умеет услаждать свой путь над бездной волн.
На море жизненном, где бури так жестоко
Преследуют во мгле мой парус одинокой,
Как он, без отзыва утешно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю.

Многоточие, каким мы его знаем, начинает употребляться во французской поэзии в XIX веке, прежде всего, там, где равностопность стихотворной строки намеренно нарушается поэтом: в баснях, эпиграммах и песнях. В этих случаях многоточие обрывает речь, как будто показывая, что сказано не все, что есть какое-то продолжение, или что говорящему что-то мешает [4]. Например, в тексте песни П. Беранже «Le petit homme gris» [5, с. 318], где герой прерывает речь от смеха:

Le petit homme gris
 Il est un petit homme
 Tout habillé de gris,
 Dans Paris,
 Joufflu comme une pomme,
 Qui, sans un sou comptant,
 Vit content
 Et dit: Moi, je m'en...
 Et dit: Moi, je m'en...
 Ma foi, moi, je m'en ris!
 Oh! Qu'il est gai (*bis*), le petit homme gris!

В переводе [5, с. 319] этого произведения (перевод названия «Как яблочко румян») не только сохранены случаи многоточия в авторском тексте, но добавлены в сочетании с восклицательным знаком для большей выразительности.

Как яблочко румян
 Как яблочко румян,
 Одет весьма беспечно,
 Не то, чтоб очень пьян –
 А весел бесконечно.
 Есть деньги – прокутит;
 Нет денег – обойдется,
 Да как еще смеется!
 «Да ну их!..» – говорит,
 «Да ну их!..» – говорит,
 «Вот, – говорит, – потеха!
 Ей-ей, умру...
 Ей-ей, умру...
 Ей-ей, умру от смеха!»

Особенно любили многоточие романтики и символисты. Там, где музыкальный ритм стиха уже не опирается на классические нормы, где все стихотворные средства служат выражению глубинных мыслей поэта, чувств, смыслов и подтекстов, где можно поэтические (!) произведения назвать «Романсы без слов» (П. Верлен), именно многоточие как будто поддерживает пустоту, являясь многозначительным намеком неизвестно на что [4]. Так, в сборнике Ш. Бодлера «Цветы зла» мы находим этот пунктуационный знак во многих произведениях, например, в стихотворении «Le vin de l'assassin» [1, с. 350], где многоточие маркирует внутреннее состояние героя, который никак не может найти успокоение после убийства жены, вспоминая бывшее счастье:

Le vin de l'assassin
 Autant qu'un roi je suis heureux;
 L'air est pur, le ciel admirable...
 Nous avons un été semblable
 Lorsque j'en devins amoureux!

Переводчик Эллис [1, с. 351] сохраняет пунктуационный знак, однако перемещает строки, и состояние героя уже получает другие акценты.

Вино убийцы
 Как воздух чист, как много света!
 Я счастлив счастьем короля...
 Когда с тобой сошелся я,
 Такое же стояло лето!

Многоточие может выступать как составная часть сложного знака – в сочетании с вопросительным и восклицательным знаками. В таких случаях происходит функциональное объединение двух знаков [2, с. 61] и усиление экспрессивности. Например, в стихотворении «Le cygne» [1, с. 286] из сборника Ш. Бодлера «Цветы зла» многочисленные восклицательные знаки и восклицательный знак с многоточием после перечисления усиливают экспрессивность чувств лирического героя и, соответственно, эффект воздействия на читателя.

Ainsi dans la forêt où mon esprit s'exile
Un vieux Souvenir sonne à plein souffle du cor!
Je pense aux matelots oubliés dans une île,
Aux captifs, aux vaincus!.. à bien d'autres encor!

В переводе этого стихотворения «Лебедь» [1, с. 287] переводчик сменил систему дополнительных пунктуационных знаков, и эффект получился значительно более спокойный.

В лесу изгнания брожу, в тоске упорный,
И вас, забытые среди пустыни вод,
Вас, павших, пленников, как долгий зов валторны,
Воспоминание погибшее зовет.

Французская поэзия 20-го века, полностью освободившись от правил стихосложения, перестала обращать внимание на пунктуационные знаки. Набору слов, который представляет сейчас поэтическое произведение, особенно в конце 20-го века, в общем-то, не требуются дополнительные средства для выражения тайных смыслов и скрытых чувств. Многоточие претерпело некоторые преобразования и, как и большинство других знаков, стало больше графическим средством, чем смысловым: в некоторых поэтических произведениях современности можно обнаружить многоточие, полностью заполняющее строку, как в классической поэзии. Например, в цикле «Контакт и преломления» Д. Фуркада [6, с.206] можно встретить такие строки:

XVIII

chantant sans qualité
chantant pour ne pas entendre sa propre voix
un à tue-tête pour ne plus jamais entendre

.....

При восприятии такого поэтического текста читателю довольно трудно догадаться, какую роль играет здесь многоточие, тем более, что других пунктуационных знаков в нем нет. По всей видимости, поэт использовал многоточие для усиления эффекта от высказывания «pour ne plus jamais entendre». Перевод текста, выполненный О. Северской [6, с. 207], полностью повторяет структуру оригинала, однако перевод последней строки не совсем соответствует оригиналу, и эффект многоточия утрачивается.

XVIII

невнятно напевая
напевая чтобы не слышать собственный голос
некое сломя-голову чтобы навсегда потерять слух

.....

Тем не менее, наше эмоциональное ожидание требует от поэтического текста выполнение, прежде всего, коммуникативной и эстетической функций. Поэтому, так как многоточие – знак условный, показатель наличия скрытого смысла, подтекста, недосказанности, эмоционального и психологического напряжения [2, с. 61-62], возникает вопрос, насколько свободен переводчик в его использовании. На представленных выше примерах мы видим, что в переводе многоточие может опускаться, может сохраняться, в некоторых случаях соответствуя общему смыслу произведения, в некоторых случаях, – несколько изменяя его. Однако переводчики идут еще дальше, включая этот знак в текст перевода там, где автор его не предполагал. В некоторых случаях это может быть оправданно усилением экспрессии, как, например, в произведении О. Барбье «La sirée» [5, с. 294]:

C'était la bouche aux vils jurons
Qui mâchait la cartouche, et qui, noire de poudre,
Criait aux citoyens: Mourons!

где в переводе В. Бенедиктова «Собачий пир» [5, с. 295] снижение используемой лексики до нецензурных выражений потребовало введения именно такого выразительного средства (вопрос о том, как читать вслух данный перевод, по всей видимости, не поднимается вообще) –

Чернь грязною рукой там ружья заряжала,
И закопченным ртом,
В пороховом дыму, там сволочь восклицала:
«Е... ..! Умрем!»

В некоторых переводах многоточие появляется там, где его нет в оригинале. Например, в стихотворении П. Верлена «Langueur» [3, с. 200] многоточия нет. Строки текста достаточно информативны, что не требует средств для выражения дополнительных смыслов. Однако переводчик Н. Вышинский [3, с. 201] не только неоднократно использовал многоточие, но и снизил стилистическую окраску текста, чем создал совершенно другой образ стихотворения.

Langueur

Je suis l'Empire à la fin de la décadence,
Qui regarde passer les grands Barbares blancs
En composant des acrostiches indolents
D'un style d'or où la langueur du soleil danse.

Изнеможение

Я сам, как Древний Рим, – конец, бардак, упадок:
От рослых русских толп в башке – гудеж, зудеж...
Рожаю акrostих: ни оторопь, ни дрожь,..
И стиль мой – в золоте, в томленьи солнца – гладок.

Таким образом, можно сказать, что многоточие – знак многофункциональный, это знак достаточно емкий. При общей своей отделяющей функции (между предложениями и частями предложений) он обладает способностью передавать также, подчас еле уловимые, оттенки значений: с одной стороны, это чисто условный сигнал преднамеренного пропуска частей текста (роль многоточия здесь предельно формальна); с другой — это знак содержательно и эмоционально наполненный, передающий скрытые смыслы, чувства, мысли [2, с. 61–62]. Переводчику важно понять, что пытается выразить автор, используя данное средство, и адекватно передать (не обязательно знак!) именно этот скрытый смысл.

Список источников

1. Бодлер Ш. Цветы зла: Стихотворения. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2009. 448 с.
2. Валгина Н. С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации. Москва : Высшая школа, 2004. 259 с.
3. Вышинский Н. В. Из мировой поэзии: подлинные тексты с параллельным переводом на русский язык / сост. и автор пер. на русский язык Н.В. Вышинский. Москва : Астрель, 2005. 382 с.
4. Невзглядова Е.В. Знаки препинания в стихотворной речи // Звезда. 2016. № 10.
5. Французские стихи в переводе русских поэтов XIX–XX в.в. / сост. Е. Эткинд. Москва: Прогресс, 1973. 624 с.
6. Фуркад Д. Контакт и преломления / сост. О. Северская. Москва : ОГИ, 2002. 256 с.
7. Шапиро А. Б. Упорядоченное русское правописание. Москва : Высшая школа, 1974. 278 с.
8. Benveniste E. Les relations de temps dans les verbes français // Problèmes de linguistique générale. Paris : Nathan, 1974. P. 237–250.

9. Catach N. La ponctuation: Histoire et système. 1 éd., Paris : Hachette, 1994. 417 p.
10. Fonagy I. Structure sémantique des signes de ponctuation // Bulletin de la Société de la Linguistique. Paris: Seuil, 1975. P. 56.
11. Leblanc J. De la ponctuation à la théorie d'énonciation. Paris : Hachette, 1998. 173 p.

References

1. Baudelaire Ch. Flowers of Evil: Poems. St. Petersburg: Abc-classics; 2009. 448 p.
2. Valgina N. S. Actual problems of modern Russian punctuation. Moscow: Higher School; 2004. 259 p.
3. Vyshinskij N. V. From world poetry: original texts with parallel translation into Russian / comp. and the author of the translation into Russian N.V. Vyshinskij. Moscow: Astrel; 2005. 382 p.
4. Nevzgl'adova E. V. Punctuation marks in poetic speech. Zvezda. 2016. No. 10.
5. French poems translated by Russian poets of the XIX-XX centuries / comp. E. Etkind. Moscow: Progress; 1973. 624 p.
6. Fourcade D. Contact and refraction. / comp. O. Severskaja. Moscow: OGI, 2002. 256 p.
7. Shapiro A. B. Ordered Russian spelling. Moscow: Higher School, 1974. 278 p.
8. Benveniste E. Les relations de temps dans les verbes français. Problèmes de linguistique générale. Paris: Nathan, 1974. pp. 237–250.
9. Catach N. La ponctuation: Histoire et système, 1 ed., Paris, Hachette, 1994. 417 p.
10. Fonagy I. Structure sémantique des signes de ponctuation. *Bulletin de la Société de la Linguistique*. Paris, Seuil ; 1975. pp. 56.
11. Leblanc J. De la ponctuation à la théorie d'énonciation. Paris : Hachette, 1998, 173 p.

Статья поступила в редакцию 29.09.2021; одобрена после рецензирования 21.10.2021; принята к публикации 26.10.2021.

The article was submitted 29.09.2021; approved after reviewing 21.10.2021; accepted for publication 26.10.2021.

Научная статья

УДК 81'37

doi: 10.21672/1818-4936-2021-80-4-110-116

ТИПОЛОГИЯ ЗНАЧЕНИЙ ПОЛНОЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ СЛОВ

С.О. Малевинский¹, М.С. Ткаченко²

^{1,2}Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

²tkmax@list.ru

Аннотация. Целью исследования является выделение и описание основных структурных типов лексических значений полнозначительных слов. Эти типы различаются в соответствии со способами их внутренней организации, а не в зависимости от характера обозначаемых ими предметов. Установлено, что существует как минимум шесть семантических типов полнозначительных слов: дескрипционные, компаративные, дейктические, анафорические, критериально-оценочные, реляционные.

Ключевые слова: полнозначительное слово, основное лексическое значение, дескрипционное значение, компаративное значение, дейктическое значение, анафорическое значение, критериально-оценочное значение, экзистенциально-оценочное, реляционное значение, синонимия

TYOLOGY OF MEANINGS OF FULL-MEANING WORDS

S.O. Malevinsky¹, M.S. Tkachenko²

^{1,2}Kuban State University, Krasnodar, Russia

²tkmax@list.ru

Abstract. The aim of the paper is to identify and describe the main structural types of the lexical meanings of the autonomous words. These types are distinguished according to the modes of their inner organization, but not in dependence upon the character of signified objects. It has been established that there exist as a minimum six semantic types of the